

Духовные и культурные связи России и Грузии настолько глубоки, что никакие политические перипетии их не в силах разорвать или заглушить. Об этом напомнили Дни русско-грузинских культурных связей в Центральном Доме художника на Крымском валу, что прошли нынешней весной. А меня они подвинули рассказать историю открытия удивительного художника Грузии, подробности которого посчастливилось узнать.

Вег. Москва. -1994. -10 окт. -с.5.

Однажды два друга художника Мишель Ле-Дантю и Кирилл Зданевич, жившие в старом Тифлисе, решили позавтракать форелью в маленьком погребке на привокзальной площади. Взгляд Мишеля, ждавшего завтрака, упал на новую роспись, сделанную на стене — то была «Царица Тамара».

«Кто же автор? Ведь и подписи нет...», — сказал Мишель вслух. Кирилл, подойдя к картине, стал в нее всматриваться. Художники открыли окна, чтобы лучше увидеть краски, яркие, сочные. И удары кисти смелые и стремительные... Самоучка, решили они, но талантлив, самобытен. Ведь со стены на них смотрела сама Грузия.

Пошли на майдан, где собираются торговцы, где продают овощи и молоко. Кипела базарная площадь. Из открытых дверей духанов шел приятный запах грузинской еды. Художники зашли в самый большой трактир на майдане и остолбенели, прямо перед дверью висела картина, сделанная на клеенке, — «Кутеж кинто». Изящные веселые балагуры, эти вечные бродяги кинто, действительно великолепно кутили. Все было как живое.

В третьем духане художники увидели величественного настоящего царя зверей «Черного льва». Решено было искать автора. А тем временем пришлось скупать у духанчиков эти «примитивные шедевры». Узнали, что автора зовут Нико Пирсманашвили, а в народе называли его просто и ласково — Пирсмани. Узнали, что он из Кахетии, из древнего грузинского села Мирзаани. Там у отца его был дом, большой сад, бахча. В этом селе все занимались виноделием, а поэтому все пророчили Нико богатство. Руки у него были золотые.

Но умер отец. Уехал юный художник Нико в Тифлис, устроился подмастерьем к своему дяде, богатому портному. Но вскоре убежал от него, потому что не позволял он Нико рисовать. Краски притягивали мальчика. Любил он краски темно-зеленые, коричневые, красную, желтую, охру. И у него на картинах краски — всегда такие сочные, почти физически ощутимые, яркие как сама природа Грузии. На картинах Пирсмани много света и не бывает тени, краски его бархатисты и очень определены, а мазок широкий и свободный. А какая пластика... Пирсмани умеет передавать через краски рефлексию цвета (особенного красного и черного), жест, какую-то усиливающую впечатлению деталь, особую ритмичность. Краски его, словно звуки. Как танцуют у него кинто — эти бродячие балагуры и весельчаки, как пластичны их позы, как легки и выразительны жесты. И как прелестны эти танцы — кинтаури, багдадури... Когда смотришь на картины «Кинто» и «Карахохели», то почему-то физически слышишь звуки музыки, звуки саза, дудуки...

Любили его за то, что никогда не спорил, был добрым, ласковым, ведь за тарелку харчо бывало распишет стену ка-

кого-нибудь духана, сделает вывеску для пивного бара, а публика ходит смотреть на картину. Например, такую: «Георгий Саакадзе целует флаг перед боем». И это для винного погреба! Публика валом валала в погребок. А что нужно хозяину? Покупатель! Посмотрит картину, а потом ходит, да и платит за вино, которое не пьет. Живопись, считали духанчики, полезна для коммерции.

Называли его уличным живописцем. А еще живописцем вывесок. Ведь почти все духаны снабжал он вывесками в своих красках. Пишет: кувшин с вином, молодого барашка, горку помидоров, чебуреки, зеленый огурец, серебристую форель в центре стола, а вывеска носит название «Да здравствует хлебосольного хозяина».

«За здравие хлебосольного хозяина»

Н. Пирсмани был неграмотен и не учился живописи. Ходил по городу высокий, худой человек, дружил с поэтом Важа Пшавела, любил поэзию. С ним всегда была тетрадь стихов. Он любил одиночество, но часто «друзья-приятели» затаскивали его в свои компании, наливали вина, одну кружку, вторую. Но Пирсмани после нескольких кружек начинал читать стихи. Смеялись над ним, но жалели. А за бутылку вина и горячий хлеб всегда расплачивался рисунками на стенах, столах, дверях...

Был такой хозяин духана Бего Якисиев. Он всегда хорошо принимал Пирсмани. Но за глаза говорил о его работах: «Очень-то они мне нужны! Но я не хочу, чтобы он голодал, да и обидеть его нельзя, святой он...». Вот именно этот Бего Якисиев и сказал художникам К. Зданевичу и М. Ле-Дантю, что Нико живет где-то в подвале на Малаканской улице. Ведь художники разыскивали его больше года.

Да, был он бродягой, этот гениальный грузинский художник. Никакого дома, уюта, имущества. Часто не было у него не только куска хлеба, не только постели, но и места, где он мог бы прилечь, ведь ночевал он иногда на траве, в подвале какого-нибудь жилого дома, а то и на садовой скамейке. Да и с нее иногда прогонял его дворник. И он рисовал эту зловещую фигуру в белом фартуке, с бляхой, в казенной фуражке, ботинках на толстой подошве. В его взгляде, обращенном прямо к нам, зрителям, отражается какая-то странная и непонятная тревога, будто стыдно ему смотреть нам в глаза.

Было время, когда Нико был молод, красив, подтянут. Он стал рисовать. Но для этого нужны были краски, холсты, кисти, грунт, не говоря уже о рамах, которые стоили очень дорого. Решил поработать кондуктором на железнодорожной ветке, где станции называются так вкусно и весело: Мукузани, Цинандали, Гурджаани, Вазиани... О, золотое вино Кахетии!

Базар был добр к нему. Собрали купцы и приказчики деньги и сказали: «Вот тебе! Распиши свой магазин и открой овощной ли, молочный ли». И Пирсмани открыл молочный, торговля шла успешно, женщины и дети очень любили его, он никогда никого не обманывал, как было принято на майдане, общался с покупателями вежливо, разговаривал ласково, а женщинами читал стихи, и многие говорят, что это были его собственные стихи.

В 1919 году Илья и Кирилл Зданевичи постарались, чтобы 85 картин Пирсма-

РЫЦАРЬ И АКТРИСА

ни экспонировались на его первой персональной выставке в Париже. Экспозиция размещалась в павильоне Марсана, музее декоративного искусства в Лувре. Посетителей на лестнице музея торжественно встречали гвардейцы в парадных красных мундирах. Мог ли предположить Пирсмани такое? Особенно привлекала посетителей картина «Актриса Маргарита».

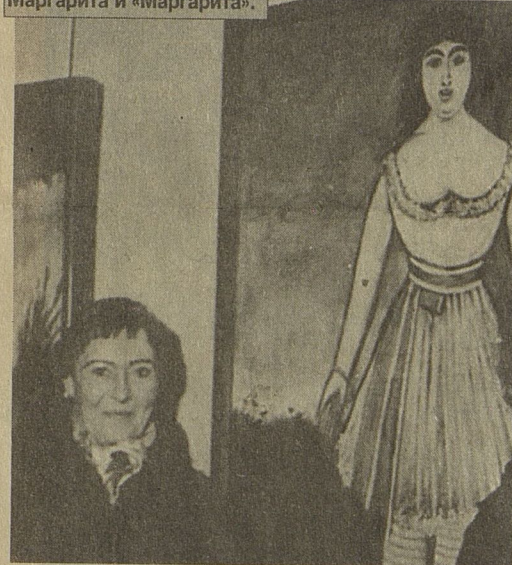
Считается, что она написана в 1909 году, но может быть, и позже, ведь датировка картин у Пирсмани прилизительная. Именно в это время в Тифлис приехала актриса из Франции. В Верейских садах, на Головинской

улице состоялся ее дебют в театре «Бель Вю». Вот объяснение: «Новость. 27 марта 1909 года дебют знаменитой артистки еще небывалого в России жанра. Только на семь гастролей La Belle Margarita De Sevre. Ежедневно. Концерт-дивертисмент в трех отделениях». Некоторые данные о гастролях Маргариты де Севр сообщались в газете «Тифлисский листок».

Кто-то привел Нико посмотреть на этот «небывалый жанр» Маргариты де Севр. Как произошло знакомство Пирсмани с Маргаритой — неизвестно. Застенчивый Нико мог преподнести ей коробку шоколада или букет цветов. Пози актрисы на картине и выражение ее лица никак не предполагают близость художника с ней. Если же и существовали какое-то чувство или симпатия, то, зная характер этого человека, можно думать, что они были невысказанными. Свое восторженное отношение к актрисе он выразил в самой картине. Не может быть сомнений, что картина написана под впечатлением личного знакомства.

Но однажды Пирсмани скупил все цветы вокруг Еврейских садов и телега за телегой везла их в гостиницу, где остановилась Маргарита. Прохожие ничего не понимали, решив, что Нико сошел с ума. А ведь он продал

Маргарита и «Маргарита».

свою лавку и взял всю выручку из кассы, какая была. И на все это купил розы, гвоздики, магнолии... Так он стал нищим.

В Лувре к картине каждый день подходила какая-то женщина. Грузинские художники и искусствоведы не заметили, что было нечто общее в разрезе глаз, в манере держать себя между этой зрительницей и изображенной на картине актрисой. Так Маргарита де Севр, живая, и очень постаревшая, снова увиделась с Пирсмани. Она сказала только с затаенной гордостью репортерам: «Не подумайте, что Пирсмани относился к Маргарите легкомысленно, он любил ее, как рыцарь».

Светлана МАГИДСОН

Предполагаемый автопортрет Пирсмани.

Полотно Ладо Гудиашвили «Смерть художника».

Пирсманашвили Нико

10.10.94